

Выпьем за вашу любовь! ура!

Коу Чэнь выстроил на земле ряд из 18 утят и сказал, что они символизируют год его с Хо Жанем восемнадцатилетия, затем выбрал двух хорошо получившихся и поставил их в авангарде утиного отряда, а в голову одного воткнул отлетевшую от петарды крошку красного цвета.

— ...Ты не можешь отличить петуха от утки? — не мог не спросить Хо Жань.

— Как это не могу? — Коу Чэнь бросил на него косой взгляд. — Тот, что выскочил из моей ширинки, был пе...

— Ладно, ладно, — быстро прервал его Хо Жань и указал на крошку петарды на утёнке: — Тогда что это, по-твоему?

— А ты как думаешь, что?

— Петушиный гребень. Восемнадцатилетний петушок оперяется, и у него появляется гребень.

Коу Чэнь лишь посмотрел на него и захихикал.

— Разве нет? — Уверенность Хо Жаня поколебалась, когда он увидел его улыбку. Впрочем, схема его извилин ещё оставалась как у нормального человека, и ничего удивительного в том, что он не синхронизируется с Коу Чэнем, не было.

— Это называется «свалившаяся на голову удача»! — Коу Чэнь указал на остатки петарды: — Удача, свалившаяся на голову*!

*Коу Чэнь ввернул идиому 天降横财 (неожиданная удача), состоящую из слов «удача» и «на голову», но при этом лексема 天降 одинакова по значению и звучанию с лексемой 天. Иероглиф 天 (дикий гусь) более корректен в этой идиоме, так как в китайской культуре гуси ассоциируются с браком, самым счастливым событием в жизни (я не буду расписывать значимость гусей как символа в древнекитайской свадьбе), а омофоничный иероглиф 天 (красный, как раз цвета крошки от петарды) ассоциируется и с удачей, и с богатством, и праздником, и его начали широко употреблять в лексеме в 19 веке. Таким образом, Коу Чэнь отсылается к варианту 天降

До Хо Жаня наконец дошло:

— А-а! Бля, как тебе это в голову взбрело?

— Это не мне взбрело. Папа со своими друзьями по бизнесу любит обсуждать всякие созвучные слова, символизирующие удачу. Я просто подумал, что это интересно. Да ведь?

Хо Жань кивнул:

— Да.

Коу Чэнь хлопнул в ладоши:

— Поздравь меня с Новым годом.

— Счастливого Нового года, Чэнь-Чэнь, желаю тебе в новом году счастья и успеха, исполнения твоих желаний, успехов в учёбе и поскорее расстаться с одиночеством и найти себе пару.

Коу Чэнь заулыбался. Услышав последнюю часть поздравления, он показал большой палец:

— В процессе.

— Да ты всё время говоришь о том, как тебе хочется отношений, но что-то я не увидел никаких сподвижек. Если бы ты сегодня такой путь проделал к девушке и устроил перед ней тот спектакль, тебе даже не пришлось бы заходить дальше, просто хватило бы подъехать к её дому, и всё, дело с концами.

— Да какое там, я чуть не околел от холода. Это только для тебя, ни для кого другого я такое не проверну.

Хо Жань некоторое время глядел на него, не говоря ни слова. Коу Чэнь сунул руку в куртку, вынул из внутреннего кармана красный конверт и протянул ему:

— На. Счастливого Нового года, оставайся таким же милашиком каждый день.

— ...Ты серьёзно?! — Хо Жань был ошарашен. — Зачем?

— Бери! — Коу Чэнь засверкал глазами.

Хо Жань взял красный конверт и прощупал его. Тонкий. Он вздохнул с облегчением. Сколько там, около ста юаней? Такую сумму он мог принять. Но Коу Чэнь же любил понтоваться, даже в магазине оставил сотню...

Не мог же он банковский чек туда положить?

Чек на миллион юаней!

Ух ты!

...Да перебьёшься.

Хо Жань невольно издал смешок, думая об этом.

— Хватит ржать, открой и глянь! — сказал Коу Чэнь. — Ишь как от красного конверта расцвёл. Если б знал, целую кучу бы тебе надарил, ты бы поди живот от смеха надорвал.

— Что там? — Хо Жань открыл конверт.

— Точно не деньги, даже не мечтай. Я ещё не всю твою кампусную карту проел, как я могу тебе дарить деньги?

— Сохрани подобие лица. — Хо Жань не увидел там денег, вместо них он вытащил маленький металлический кусочек в прозрачной плёнке. — Что это?

— Смотри сам! — громко крикнул Коу Чэнь.

— Да смотрю я, блять! — тоже закричал Хо Жань. — Просто случайно спросил, чтобы не застыла атмосфера*!

— Если так и будешь бухтеть, застынет не только атмосфера, но и мы, ясно?

*□□ — букв. холодная сцена, обр. неловкое молчание, обычно о заминке на сцене, когда выступающий забывает слова

Хо Жань больше ничего не сказал. В свете уличного фонаря он ясно увидел, что это маленький металлический значок китайского гороскопа, скорее всего золотой, очень искусный, местами отделанный тонкими, как шёлк, деталями, что страшно было сжать, иначе сломаешь. Это была маленькая змея, сидящая на листе.

— Ты же... в год змеи родился, да? — Коу Чэнь указал на него.

— Ну да, как и ты? — Хо Жань вдруг кое-что понял и не удержался от смеха. — Я только что понял, ты боишься змей, хотя сам родился в год змеи.

— И что с того? Трепещу и благоговею перед собой, нельзя, что ли?

— Спасибо. — Хо Жань любовался змейкой. — Блин, такая милая.

— Хуилая.

Хо Жань неконтролируемо захихикал и стиснул зубы, чтобы это опять не перешло в безостановочный хохот.

— Это Лао-Ян сделал, — сказал Коу Чэнь.

— ...Нифига! Он и такое умеет? Какая у него специализация? — Хо Жань, немного удивлённый, перестал смеяться.

— Он поставщик в отеле, где работает цзе, а рукоделие — его хобби. Он каждый год изготавливает такие штуки, обычно в виде животного года. В этом году я попросил его изготовить такой для тебя, в форме животного твоего года рождения.

— Почему не предупредил о подарке? — Хо Жань вдруг очень смутился. Он не думал дарить подарок, просто планировал угостить Коу Чэня едой во время Лунного Нового года.

— Я забыл.

— ...Как забыл?

— Ну это не такой уж выдающийся подарок, и тем более его изготовил не я, просто попросил Лао-Яна. Это было месяц назад, думаешь, я помнил?

— А-а. — Хо Жань улыбнулся.

— Но я могу сказать тебе сейчас — заранее тебя предупреждаю, что подарю тебе подарок на твой день рождения.

— Ты это уже говорил несколько раз.

Коу Чэнь улыбнулся и кивнул:

— Ага.

Хо Жань спрятал змейку и с Коу Чэнем они, хорошенько подправив шарфы и шапки, продолжили прогулку. Им пока никто не встретился, но они всё равно чувствовали праздничную суматоху.

Рядом с Коу Чэнем для Хо Жаня всё происходящее ощущалось совершенно по-новому. Время от времени раздавались хлопки петард, с разных сторон то и дело свистели и расцветали фейерверки, от них по улицам растекался дым. Так и чувствовалось волнительное буйство новогодних гуляний.

По дороге Коу Чэнь заметил, что сугробы становятся толще и пушистее, поэтому использовал снег оттуда для лепки утят — расставил их у дороги, некоторых разместил на ступеньках, некоторых рядом с фонарным столбом и ещё нескольких посадил на перила. Вскоре к нему присоединился и Хо Жань, помогал лепить утят и заполнять ими улицы. Каждый раз, когда он садил очередного утёнка у края тротуара, Коу Чэнь кричал.

— Чё ты делаешь? — заулыбался Хо Жань.

— Так создаётся ощущение, что они оживают, — объяснил Коу Чэнь. — Кря!

— Понял. — Хо Жань кивнул, вылепил утёнка и, посадив его на ветку, громко крикнул.

Иногда ему сложно было описать Коу Чэня — дерзкий, нахальный, агрессивный, напыщенный, непритворно грозный, потрясный, дурковатый, инфантильный, романтичный... и каждый раз Коу Чэнь увлекал его с собой в неистовый, свободный бег по его дороге. Неужели это потому, что Коу Чэнь слишком притягателен, или же сам Хо Жань слишком восприимчив, неустойчив? Попросту говоря, за всё время своего взросления он никогда не вёл себя так, как сегодня, — словно ребёнок, который ещё верит в сказки. Он пылал неуёмной радостью.

Выходя из дома в такую погоду, он думал, что замёрзнет в ледяной столб, если не будет осторожен, но сейчас они с Коу Чэнем так вспотели, что над ними чуть ли не поднимался пар.

— Глянь, как сварился. — Коу Чэнь ущипнул Хо Жаня за щёку. — Температура приготовления в самый раз.

— Дай проверить, как ты сам сварился. — Хо Жань вытянул руку, и когда Коу Чэнь придвинул к ней своё лицо, сжал его щёку: — Ого, да ты готов к употреблению.

— Ну же, ну же, — Коу Чэнь помахал рукой, — какой кусок предпочтёте, сударь? Выбирайте.

Когда Хо Жань собирался ответить, сзади послышался крик. Они одновременно оглянулись — он исходил с третьего этажа жилого дома. Во внешнем коридоре горел свет и двигались силуэты людей. Рядом никто не запускал петарды, поэтому и был слышен крик.

— Что у них там? — спросил Хо Жань.

— Напились поди и буянят. В прошлом году наши соседи, отец и сын, выпили немного и повздорили из-за последней оставшейся тефтели, вышли разбираться на улицу.

Хо Жань улыбнулся:

— Ни хера, и кто в итоге её съел?

— Кто его знает, папа пошёл их разнимать и сказал, что сам её съест, тогда сын с батей сразу же ополчились на него, вот и порешали.

— И они не смогли его уложить, да? — быстро спросил Хо Жань.

— До драки с ним не дошло, — засмеялся Коу Чэнь. — Они любят собак, я выпустил Шуай-Шуая и спас папу.

Хо Жань долго смеялся над этим. Однако семья в доме перед ними не казалась такой счастливой, как соседи Коу Чэня. Препирания становились всё громче и громче, слышные даже в шуме фейерверков, запускаемых на крыше соседнего здания. Женский голос, предположительно молоденькой девушки, продолжал кричать и ругаться вперемешку со всхлипами.

— Бля, — Коу Чэнь достал свой телефон, — что у нас за везение? Может, сдадим в будущем экзамен в полицейскую академию?

— Это не в везении дело, — улыбнулся Хо Жань. — Большинство не захочет вмешиваться, никому не нужны проблемы. И мы, когда всякий раз с чем-то сталкиваемся, изначально могли бы не лезть.

Коу Чэнь взглянул на него:

— Ты прямо как философ.

— У тебя ошибочное представление о философах... — Хо Жань пошёл в направлении дома и остановился под деревом.

Здание выглядело довольно старым. В таких районах старого образца не было домоуправления, Хо Жань даже не знал, что это за место, потому что никогда раньше сюда не заходил. Коу Чэнь стоял рядом с ним с телефоном наготове, чтобы в любой момент вызвать полицию. Но ссора в доме не прекращалась: сначала девушка плакала и кричала, ей так же гневно отвечали старшие, мужчины и женщины, а затем кто-то хлопнул дверью и что-то разбил.

Вот так Лунный Новый год.

По истечению времени ругань и плач утихли, и лампа со звуковой активацией во внешнем коридоре погасла.

— Утомонились? — спросил Коу Чэнь, поправляя капюшон.

— Наверное. Это ж Новый год, не могут же они бесконечно скандалить? Хватит и этого, в канун.

Они постояли ещё некоторое время. Коу Чэнь убрал телефон обратно в карман:

— Пошли.

— Угу, — кивнул Хо Жань.

Они сделали всего несколько шагов в противоположном направлении, когда сзади внезапно послышалось хныканье. Звук был высоким и надломленным, его развеяло ветром, когда он долетел до их ушей, отчего он казался жутким. Хо Жань, не раздумывая, притиснулся к Коу Чэню и не рискнул обернуться:

— Пиздец, ты это слышал?

— Это из того дома. — Коу Чэнь сгрёб его за плечи и прошептал ему на ухо: — В дикой природе призраков не бывает, на улице тоже. Забыл, зачем взрывают петарды и запускают фейерверки? Чтобы отпугнуть злых духов.

Хо Жань пришёл в себя, обернулся и увидел женщину, выходящую из того дома. Должно быть, это та девушка, что плакала. Если бы он не знал истинное положение вещей, у него бы обмякли ноги от страха при виде её — она была закутана в объёмный белый пуховик, без шапки, а её длинные волосы, то ли собранные в хвост, то ли распущенные, дико танцевали на ветру, словно водоросли. Как будто обдуваемые вентилятором.

Поздним вечером, в такой холод, неизвестно, из-за скандала ли, но она вышла из дома, и Хо Жань с Коу Чэнем и не двинулись с места, желая посмотреть, что будет дальше. Как только девушка сделала ещё несколько шагов, они застыли от удивления.

— Да ну нахуй, это Ли Цзяин? — спросил Коу Чэнь.

— Она самая, — ответил Хо Жань.

Встретить Ли Цзяин здесь, в такое время и при таких обстоятельствах было для них большой неожиданностью. С тех пор, как её родители учинили в школе драку, она взяла перерыв в учёбе и пропала с радаров. Глядя на неё, Хо Жань с Коу Чэнем заметили, как сильно она изменилась. Она истощала, её измождённое лицо немного пожелтело. Одним словом, увяла. Облик деспотичной сестрицы кампуса с шайкой приспешников, которых она держала на поводке, полностью исчез.

Ли Цзяин, опустив голову, шла в их сторону и только когда проходила мимо них, заметила, что там кто-то стоит. Она резко повернула голову, видимо, в испуге, узнала их и от шока долго не могла заговорить.

— Счастливого Нового года, — поздравил Коу Чэнь.

Ли Цзяин посмотрела на него, обернулась в сторону своего дома и отвела взгляд:

— Ни хера не счастливый.

Коу Чэнь улыбнулся и промолчал.

— Смешно? — всё так же вызывающе и агрессивно бросила Ли Цзяин.

Не успели они ответить, как она повернулась и пошла обратно, затем наклонилась, подняла с земли камень и швырнула его в окно третьего этажа. Камень пролетел мимо, едва коснувшись стены над окном второго этажа, и упал на землю. Но Ли Цзяин не сдавалась. Она взяла ещё один камень и опять швырнула его — на этот раз промазала сильнее, он ударился о стену слева

от окна второго этажа. К счастью, на этой стороне находилась кухня, и свет не горел.

Коу Чэнь подошёл к ней, пошарил по земле, подобрал половину разбитого кирпича и разломил на более мелкие обломки. Он оставил небольшой кусок и взглянул на Ли Цзяин:

— Хочешь разбить на третьем этаже или на втором?

— Третий. — После нескольких замахов она устала и тяжело дышала.

Коу Чэнь взглянул на погружённую во тьму кухню на третьем этаже и замахнулся — обломок кирпича полетел по дуге и с грохотом разбил стекло в верхнем левом углу старого окна. Вскоре у окна кто-то появился, посмотрел вниз, но не издал ни звука. Ли Цзяин указала на этого человека и закричала во всё горло:

— Я! Ли Цзяин! Вы скажусь здесь и сейчас! Я никогда не скажу вам, кто он! И никогда не вернусь в этот дом! Всё это не потому, что я пытаюсь кого-то защитить! Или разозлить! А только потому, что вы не вникаете в суть и возомнили себя правыми и самыми разумный на свете! Да, я веду себя не по-взрослому! Да, я взбалмошная! Вы все старые! Я ещё молода! — Ли Цзяин, откричавшись, начала восстанавливать дыхание, затем повернулась к Коу Чэню: — Понравилось смотреть на представление?

— Вообще отпад, — ответил Коу Чэнь.

Она перевела взгляд на Хо Жаня, но тот просто улыбнулся. Приподняв уголки губ, она спросила:

— Опять свою лыбу давишь?

— Ищи уже себе отель. — Хо Жань развернулся, чтобы продолжить прогулку.

Коу Чэнь бросил на Ли Цзяин последний взгляд и последовал за Хо Жанем. Вскоре он обернулся и увидел, что её там больше нет. Он потянулся:

— Похоже она долго скандалила со своей семьёй.

— Угу. — Хо Жань тоже оглянулся. — Не обморозится поди?

— Зайти в отель и согреться, делов-то. И найти его несложно. Допустим, у неё нет с собой удостоверения личности и она не сможет заселиться, её всё равно не выгонят в такой холод.

Хо Жань нахмурился:

— Она же просто встречалась, как всё дошло до такого?

— То, что у нас «просто», для многих родителей очень серьёзно. Помнишь же, как Лао-Юань на родительском собрании говорил об авторитете? Родители считают себя авторитетом. А мы, ещё взрослеющие бунтари, только и делаем, что бросаем вызов авторитету, наша первая битва часто происходит с родителями...

— Лао-Юань так говорил? — Хо Жань уставился на него. — И почему ты с такой дерзостью всё это поясняешь?

— Так я и есть дерзкий. Если бы мой папа был, как её родители, я бы давно уже с ним порамсил. Обычно-то я терплю, но если он начнёт гнать из-за чувств или отношений, я терпеть не буду.

Хо Жань цокнул:

— Сказал так, будто это правда.

— Так это и есть правда. Если бы папа запретил мне общаться с тобой, я бы точно подрался с ним. Тут нет места обсуждению.

Хо Жань остановился и повернул к нему голову:

— Коу Чэнь.

— М? — Коу Чэнь с сияющим лицом посмотрел на него в ответ.

— Мы же говорим о том, что родители запрещают встречаться?

— Ага! — Коу Чэнь подумал над тем, как это звучало, и рассмеялся. — Блин, ну это был просто пример.

— Так и используй в примере другого человека. Если бы в твоём примере реально я фигурировал, мне кажется, ты бы превратился в упаковку колбасок ещё до того, как начал с ним драться.

— Блин, — на мгновение задумался Коу Чэнь, — и правда ведь.

Хо Жаню вдруг вспомнился тот одноклассник Коу Чэня, и он почувствовал, что неуместно было заговаривать о таком. Вдруг Коу Чэнь вспомнит об этом, и его праздничное настроение испортится? Но в данный момент Коу Чэнь пребывал в прекрасном настроении и навряд ли подумал об этом. Внезапно он приблизился к Хо Жаню и поцеловал его в щёку.

— Тогда сохраним это пока что в секрете!

— Какого хуя? — Хо Жаню, шокированному поцелуем, потребовалось время, чтобы прийти в себя. Он поднял руку, чтобы потереть щёку. — Блять, ты меня лизнул? Почему на мне слюни?!

Коу Чэнь так сильно засмеялся, что чуть не поперхнулся. Он вынул из кармана бумажную салфетку и, хихикая, протянул ему.

— Прости, я быстро к тебе наклонился, и рот, наверное, был открыт...

Хо Жань представил это и почувствовал необъяснимое смущение, но Коу Чэнь вдруг опять рассмеялся, и он — следом за ним.

Их телефоны звякнули уведомлением друг за другом. Хо Жань достал свой, вытирая лицо салфеткой, и увидел сообщение Сюй Чжифаня в общем чате.

Ребята, боюсь, что какое-то время не смогу сюда писать, поэтому желаю всем счастливого Лунного Нового года. Я очень благодарен Небесному владыке за то, что он позволил мне встретиться с вами. Выпиваю за вас

Затем Цзян Лэй прислал стикер с поднятым бокалом.

Вздогнем! Ура!

За операцию «Лизнуть морскую воду»

ЗА дружбу

ЧОКНЕМСЯ! УРА!

Хо Жань быстренько сфотографировал ошмётки петарды на земле и отправил в чат.

Процветания! Ура!

Вслед за ним Коу Чэнь послал снежного утёнка с красной крошкой от петарды на голове.

Вздоргнем! Чтоб вам всем удача сыпалась на голову. Ура!

Хо Жань улыбнулся:

— Бля, да у нас ментальная связь.

Сюй Чуань написал:

Вот сучары, опять вместе?

Цзян Лэй тоже быстро добавил:

Выпьем за вашу любовь! ура!

Остальные в течение тридцати секунд «поднимали бокалы» за любовь.

Коу Чэнь прислонился к фонарному столбу и не мог перестать смеяться. Он тоже понаприсылал в чат тосты за любовь.

— С Новым годом. — Хо Жань улыбался так сильно, что у него болели щёки. Потирая лицо, он поднял телефон направил его к Коу Чэню: — Коу Чэнь.

Коу Чэнь поднял свой телефон и поднёс к его, имитируя чоканье бокалами:

— С Новым годом! Ура!

<http://bllate.org/book/14311/1267029>